

Письма къ читателямъ.

„Не для того же я страдалъ, чтобы собой, злодѣйствами и страданіями моими унавозить кому-то будущую гармонию. Я хочу видѣть своими глазами, какъ лань ляжетъ подлѣ льва и зарѣзанный встанетъ и обнимется съ убившимъ его“

Понимаю же я какво должно быть сотрясеніе вселенной, когда все на небѣ и подъ землею сольется въ одинъ хвалебный гласъ и все живое и жившее воскликнетъ: „правъ Ты, Господи, ибо открылись пути Твои!.. Но вотъ тутъ-то и запятая, этого то я и не могу принять“.

Братья Карамазовы, гл. IV, Бунтъ.

Такими стонами души выражаетъ представитель русской интеллигенціи, Иванъ Карамазовъ, глубокій разрывъ современнаго сознанія, непримиримую рознь между запросами сердца и представленьями нашего „эвклидова ума“, между жаждой повѣрить въ Бога и Его правду и матеріалистическимъ пониманіемъ процесса жизни. Нигдѣ, ни въ одномъ литературномъ произведеніи, душевное смятеніе отъ этого разрыва не изображено съ такой страдальческой остротой какъ у Достоевскаго. Въ его душѣ этотъ разрывъ былъ особенно страшень: его горячее сердце тянулось къ Богу, съ мучительной тоской жаждало повѣрить въ высшій смыслъ жизни, а привычныя линіи мысли сводили все содержаніе жизни къ слѣпой механической силѣ, которая давить и разбиваетъ направо и налево, безъ выбора и смысла, часто самое прекрасное и цѣнное. Страданія невинныхъ дѣтей, хрупкость человѣческой жизни, *единственной*, которая не повторится уже *никогда*, гибель и страданія наиболѣе благородныхъ, неравенство и кажущаяся несправедливость всего, что творится на землѣ, и— болѣе всего—грѣховность и темнота человѣческой природы, вотъ рядъ мучительныхъ вопросовъ, которые европейское сознаніе не счумѣло разрѣшить, которое заставляетъ его разбиваться въ безплодныхъ попыткахъ найти на нихъ разумный отвѣтъ. Но дѣйствительно ли нельзя найти на нихъ отвѣтъ? Если бы это было

такъ, и человекъ навсегда былъ обреченъ стоять передъ неразгаданной тайной своей судьбы, та же тоска и то же неудовлетвореніе должны бы царить вездѣ, гдѣ существуетъ человекъ... А между тѣмъ, это не такъ. На востокѣ, не смотря на наличность тѣхъ же страданій и того же несовершенства, нѣтъ ничего похожего на болѣзненную остроту нашихъ запросовъ, тамъ нѣтъ нашего беспочвеннаго висѣнія между небомъ и землей. И происходитъ это вслѣдствіе коренной разницы міросозерцанія современнаго Запада и древняго Востока. На сторонѣ Востока такое явное преимущество спокойнаго достоинства и яснаго самообладанія, что потерявшему равновѣсіе европейцу слѣдовало бы гораздо внимательнѣе и гораздо серьезнѣе отнестись къ тому, *что* даетъ такую цѣльность и равновѣсіе восточной мысли. Легкомысленно повторяемая фразы о „фатализмѣ“ Востока, о его влеченіи къ небытію, къ непонятной „Нирванѣ“, не даютъ серьезнаго объясненія. Мы знаемъ, что и величайшіе мудрецы обладали ясностью и душевнымъ равновѣсіемъ.

Восточная мудрость не допускаетъ бунта потому, что всѣмъ не признаетъ ни произвола, ни случайности; для нея самое бытіе невысказано внѣ условія незыблемаго порядка, безъ котораго космосъ превратился бы немедленно въ хаосъ.

Для нея возможны такія рѣчи: „Не хочу я гармоніи... Не стойтъ она слезинки хотя бы одного замученнаго ребенка... Не стойтъ потому, что слезки его остались неискупленными... И чѣмъ ты искупишь ихъ?... Неужто тѣмъ, что онѣ будутъ отомщены?... Но зачѣмъ мнѣ ихъ отмщеніе, зачѣмъ адъ для мучителей, что тутъ адъ можетъ поправить когда *ты уже замучены?* И какая же гармонія, если адъ? Я простить хочу, я обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше“... И дальше выводъ: „Лучше ужъ я останусь при неотмщенномъ страданіи моемъ и неутоленномъ негодованіи моемъ, *хотя бы я былъ и не правъ.* Да и слишкомъ дорого оцѣнили гармонію, не по карману нашему... столько платить за входъ. А потому свой билетъ на входъ спѣшу возвратить обратно... Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билетъ Ему почтительнѣйше возвращаю“.

Если бы эти, какъ ядъ прожигающія слова, были особенностью одного Достоевскаго, не слѣдовало бы и ссылаться на нихъ. Но въ нихъ вылилась вся неудовлетворенность современнаго агностическаго міропониманія, вся зіяющая бездна, раздѣлившая нашу вѣру и наши идеалы отъ нашего ума и отъ явленій дѣйствительности. Болѣе двадцати лѣтъ, протекшія съ тѣхъ поръ,

какъ произносился этотъ мучительный вызовъ Богу, не улучшили нашего положенія; учащающіяся самоубійства указываютъ слишкомъ ясно на то, что мы *духовно не вооружены* для борьбы съ тяжелыми условіями нашего времени и для разрѣшенія назрѣвшихъ задачъ жизни. Отсюда и уклоненіе отъ этихъ задачъ всевозможными способами вплоть до прекращенія самой жизни.

Когда знакомишься съ религіозной мудростью Востока, становится понятнымъ, *почему* тамъ нѣтъ почвы ни для нашего отчаянія, ни для нашего безсилія. Прошу только моихъ читателей не забывать, что я вовсе не хочу возвеличивать Востокъ въ ущербъ Западу, или проповѣдовать браманизмъ и буддизмъ. На этотъ счетъ я высказывался уже много разъ: у каждаго народа и у каждой эпохи *свои* задачи, и намъ можетъ помочь не возвратъ къ прежнему, а притокъ новыхъ силъ, почерпнутый изъ общечеловѣческой сокровищницы, заимствование изъ нея того, что мы или забыли, или совсѣмъ не знали, занятые творчествомъ по совершенно другимъ линіямъ. Эта общечеловѣческая сокровищница принадлежитъ по праву столько же намъ, какъ и народамъ Востока; также какъ вклады въ ту же сокровищницу западно-европейскаго творчества принадлежатъ всему міру, а не намъ однимъ.

Попросивъ читателя имѣть эту оговорку постоянно въ виду, попробую—насколько это возможно въ нѣсколькихъ чертахъ—указать на источникъ глубокой разницы въ пониманіи самыхъ коренныхъ вопросовъ жизни на Западѣ и на Востокѣ.

Едва ли не самой главной причиной раскола въ современномъ европейскомъ сознаніи слѣдуетъ считать утерю эзотеризма въ христіанской религіи. Во всѣхъ остальныхъ религіяхъ мы находимъ—рядомъ съ открытыми ученіями,—предназначенными для руководства *всего* народа, и сокровенныя (эзотерическія) ученія, которыя приносятъ удовлетвореніе тому опередившему остальныхъ меньшинству, которое, подобно Достоевскому, стремится дойти въ своихъ исканіяхъ до самого источника наблюдаемыхъ явленій. Что такое же ученіе для наиболѣе поднявшагося меньшинства существовало и въ христіанствѣ, на это есть намеки и въ Евангеліи и особенно у апостола Павла, который сравнивалъ открытое ученіе съ молокомъ, пригоднымъ для младенцевъ, а сокровенное—съ твердой пищей, и говорилъ (1-е посл. къ Коринѳ. гл. 2-я, 6, 7, 8) о мудрости, которая проповѣдуется между *совершенными* *) и о „премудрости Божьей, тайной, сокровенной, которую никто изъ властей вѣка сего не позналъ“...

*) „Совершенными“ назывались посвященные въ эзотерическое ученіе.

Я не могу останавливаться на причинахъ исчезновенія эзотеризма въ христіанской церкви; это требуетъ большихъ спеціальныхъ знаній *), но мнѣ хотѣлось лишь указать на это исчезновеніе, какъ на одинъ изъ источниковъ совершившагося на Западѣ раскола между вѣрой и разумомъ. Одно изъ двухъ: или наука опередила религіозное откровеніе, что является явной бессмыслицей для вѣрующаго, либо ключъ къ истинному пониманію св. Писанія и его символизма утерянъ для западныхъ богослововъ. Допустить послѣднее необходимо: иначе мы никогда не поймемъ огромной разницы, которая существуетъ между нашимъ европейскимъ отношеніемъ къ загадкамъ человѣка и космическаго бытія и отношеніемъ къ тѣмъ же загадкамъ восточнаго сознанія. Происхожденіе человѣка, его мѣсто въ мірозданіи, его отношеніе къ Богу, самый процессъ его эволюціи въ трехъ мірахъ, его потустороннее существованіе и цѣль міровой жизни—на все это можно найти отвѣты въ эзотерическихъ ученіяхъ восточныхъ религій.

Другой причиной тяжелаго состоянія европейскаго сознанія является его оторванность отъ мірового единства. Оно сосредоточило все свое вниманіе на одномъ земномъ мірѣ, не видя его связи съ остальными мірами и не сознавая, что этотъ міръ лишь часть великаго цѣлаго, лишь переходъ къ болѣе совершеннымъ ступенямъ непрестанно развивающейся вселенской жизни; отсюда—невѣрное представленіе, что земля есть нѣчто *въ себѣ законченное*. Если бы это было такъ, и вся наша жизнь протекала на этомъ брошенномъ въ необъятное пространство вселенной клочкѣ сгустившейся матеріи, который сегодня есть, а завтра можетъ застыть или разсыпаться въ прахъ отъ слѣпого напора проносающейся кометы, было бы отъ чего притти въ отчаянье. Но попробуйте на тотъ же земной шаръ посмотрѣть какъ на *временное* мѣсто дѣйствія, гдѣ разыгрывается лишь одинъ изъ актовъ великой міровой драмы, свяжите его съ остальной вселенной такъ, какъ въ жизни человѣка *сегодня* связано съ *завтра* и *вчера*, попробуйте принять его какъ одну изъ страницъ великой Книги Жизни, дивный смыслъ которой закрытъ отъ насъ только потому, что сознаніе наше ограничено совершенно такъ же, какъ отъ дикаря закрытъ весь земной міръ, кромѣ его родной страны,—попробуйте вмѣсто „въ себѣ законченной“ величины мыслить земную эволюцію какъ временное

*) Среди теософическихъ писателей многіе работаютъ надъ этимъ вопросомъ: Дж. Мидъ, д-ръ Штейнеръ, А. Безантъ, Кингсфордъ и др.

явленіе развивающагося процесса жизни, и вы увидите какъ измѣнится все ваше настроеніе. Совершенно то же и относительно отдѣльной человѣческой судьбы. Если считать одну земную жизнь несовершеннаго человѣка, въ которой столько непонятнаго и съ виду ненужнаго страданія, за единственную, тогда есть отъ чего притти въ отчаянне и заговорить языкомъ Ивана Карамазова. Но попробуйте взглянуть на ту же жизнь какъ на одинъ изъ безчисленныхъ эпизодовъ безсмертнаго опыта души, видимаго намъ только потому, что опытъ этотъ происходитъ на доступномъ намъ физическомъ планѣ въ моментъ нашего наблюденія; допустите, что помимо этого эпизода существуетъ необъятное поле опыта той же души, не видное для насъ, но въ которомъ и кроются всѣ причины наблюдаемыхъ нами временныхъ явленій,—и тогда исчезнутъ всѣ признаки *произвола и ненужности*, которые и зарождаютъ всю трагическую остроту европейскаго воззрѣнія на страданія. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть ужаснѣе „ненужнаго страданія?“ Это чувство возмущенія законное, потому что „ненужное страданіе“ обнаружило бы или безсиліе Бога, или жестокость Его. Но ненужныхъ страданій нѣтъ. Есть только временное невѣдѣнне истинной причины переживаемаго. Невѣдѣнне это отозвалось особенно тяжело на европейскомъ сознаніи, все вниманіе котораго было устремлено на видимости, на внѣшній покровъ явленій. Матеріализмъ западной мысли порвалъ всѣ тонкія нити, связывающія земной умъ человѣка съ его высшимъ сознаніемъ, его временное земное бытіе съ остальнымъ его бытіемъ, прошлымъ и будущимъ, онъ опустошилъ для насъ небеса и закрылъ передъ нами нашу собственную глубину; онъ свелъ всю этику западнаго міра къ ряду компромисовъ, приспособленныхъ для *низшей природы* человѣка, тогда какъ его высшія стремленія превратились въ какую-то мертвую идеологію, оторванную отъ жизненнаго творчества. Въ *матеріализмъ европейской мысли* и кроется третья причина нашего трагическаго воззрѣнія на земныя испытанія.

Отчего нѣтъ этого трагизма на Востокѣ? Тамъ невозможны страдальческіе стоны и безсильный бунтъ Ивана Карамазова. Сохранившійся въ религіяхъ Востока эзотеризмъ, который не ограничивается тѣсными предѣлами „Эвклидова ума“, а проникаетъ въ невидимые міры и имѣетъ дѣло съ высшей логикой событій, даетъ ключъ къ самымъ мучительнымъ загадкамъ жизни. Ученіе о перевоплощеніи—въ его эзотерическомъ, глубокомъ толкованіи—разрѣшаетъ загадку о внутреннемъ неравенствѣ людей, а законъ

Кармы—причину страданій, черезъ которыя проходятъ и добрые и злые, и достойные, съ нашей точки зрѣнія, и недостойные.

Чѣмъ, въ дѣйствительности, вызывается страданіе? Ни чѣмъ инымъ, какъ *нарушеніемъ закона* природы, физической или духовной. Каждый разъ, когда человѣкъ страдаетъ, онъ переживаетъ послѣдствія такого нарушенія, и нарушеніе это *должно* быть восстановлено.

Когда дѣло идетъ о физическихъ законахъ, это ясно для всѣхъ: обожженная рука болитъ потому, что огонь разрушаетъ ея ткани, ударъ въ голову вызываетъ измѣненіе нормальной работы мозга и т. д.

Но прослѣдить послѣдствія нарушенія законовъ духа такимъ же непосредственнымъ наблюденіемъ возможно только для человѣка, способнаго къ самоанализу и углубленію: для чуткой совѣсти совѣсть не трудно, обозрѣвая каждый прожитый день, уловить тѣ или другія нарушенія законовъ духа, которыя *могутъ* повлечь за собой тяжелыя послѣдствія; или же, переживая страданія, доискаться причины этихъ страданій въ своихъ же прошлыхъ грѣхахъ. Но это возможно только относительно собственныхъ проявленій, мотивы которыхъ намъ извѣстны, и при томъ только въ *этой* послѣдней земной жизни. Если же взять *всю* судьбу человѣка, во всей ея полнотѣ, причины переживаемаго должны неминуемо ускользнуть отъ нашего сознанія, ибо въ моментъ наблюденія надъ тѣмъ, что мы считаемъ *незаслуженными* страданіями, человѣкъ переживаетъ послѣдствія того, что *онъ-же* совершалъ, но на протяженіи *невидимаго для насъ поля его жизни*. Его страданія—послѣдствіе имъ же нарушеннаго закона. И они необходимы, потому что иначе онъ не пришелъ бы къ *познанію закона*.

Мы вѣдь не негодуемъ что младенецъ падаетъ, ушибается и обжигаетъ себя, пока не узнаетъ, что нарушенное равновѣсіе опрокидываетъ тѣло, огонь—жжетъ, стѣна—отталкиваетъ и т. д. Мы знаемъ, что безъ такихъ, опытомъ добытыхъ знаній, человѣкъ не можетъ быть дѣятельнымъ въ условіяхъ земной жизни. И не негодуемъ на это потому, что причина, вызвавшая страданіе, намъ *видна*. Мы знаемъ, что это—нерушимый законъ, что въ немъ нѣтъ ни произвола, ни перемѣны, и мы удовлетворяемся этимъ.

И еслибы ту же увѣренность мы перенесли на все, происходящее въ мірѣ причинъ невидимыхъ, но не менѣе реальныхъ, чѣмъ причины видимыя, протесты въ духѣ Ивана Карамазова стали бы также неприемлемы, какъ протесты ребенка противъ ударившей его стѣны. Мы бы знали, что нарушая законъ по не-

вѣдѣнью и испытывая отъ того страданія, мы собираемъ тотъ драгоцѣнный опытъ, благодаря которому наша душа растетъ и достигаетъ той внутренней зрѣлости, когда вся ея дѣятельность приходитъ въ сознательную гармонію съ закономъ добра.

Прослѣдить этотъ постепенный ростъ души, какъ мы слѣдимъ за ростомъ ребенка, связать зарождаемые самимъ человѣкомъ причины съ послѣдствіями, которыя обнаруживаются лишь черезъ длинные періоды, въ одномъ изъ послѣдующихъ воплощеній той же, собирающей опытъ, человѣческой индивидуальности,—возможно только тогда, когда сознаніе будетъ въ состояніи охватить всю земную эволюцію этой индивидуальности *) до конца. Подъ „концомъ“ я разумѣю ненужность дальнѣйшихъ воплощеній выросшей въ полный возрастъ души, прекращеніе ея *земной* дѣятельности, переходъ къ дѣятельности на новыхъ планахъ жизни. Но это вовсе не означаетъ, что мы *никогда* не поймемъ всѣхъ внутреннихъ пружинъ нашей эволюціи, не узнаемъ той связи, которая существуетъ между невидимыми причинами и переживаемыми нами видимыми послѣдствіями этихъ причинъ. Для каждаго человѣка пробьетъ часъ, когда весь смыслъ его жизни—земныхъ и потустороннихъ—раскроется передъ нимъ во всемъ своемъ внутреннемъ единствѣ.

Но даже и теперь, вооружившись свѣточемъ эзотерическихъ ученій, мы можемъ принять вызовъ, брошенный потрясеннымъ сердцемъ, которое жаждало красоты и гармоніи и не видѣло ничего, кромѣ темноты и грѣха. Нѣтъ, не для того мы страдаемъ, „чтобы собой, злодѣйствами и страданьями нашими унавозить *кому то* будущую гармонію“.

Утомительно и полно тяжелыхъ испытаній медленное восхожденіе человѣка; но въ этихъ усиліяхъ, въ этихъ страданіяхъ, въ этой непрестанной борьбѣ между животнымъ и божественнымъ полюсомъ создается его человѣчность, выковываются его силы, завоевывается его свобода. На самомъ низу, когда высшее сознаніе, черезъ которое говоритъ его божественная природа, еще не пробудилось, переживания человѣка просты и несложны какъ у животнаго; на среднихъ ступеняхъ они усложняются и достигаютъ высокой степени напряженія и остроты, когда божественное и животное начало вступаютъ въ единоборство, когда поочередно побѣждаетъ то низшій полюсъ, то высшій, когда торжество звѣря

*) Прошу читателя не забывать разницу между „индивидуальностью“ и „личностью“, о чемъ была рѣчь въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ.

смѣняется тоской униженнаго бога. И такъ силенъ въ началѣ этотъ звѣрь, что еслибы жизнь была радостнымъ пастбищемъ для него, а не долиной скорби, звѣрь развился бы въ свой полный размѣръ и убилъ въ нашей душѣ все человѣческое. А человѣческое необходимо какъ почва для развитія божественнаго, которое должно побѣдить и вступить во всѣ свои права на той вершинѣ, на которую поднимается все человѣчество.

Нѣтъ, не „кому то“ готовить своими страданьями человѣкъ „будущую гармонию“; онъ грѣшитъ, падаетъ, страдаетъ и проходить черезъ всю полноту земнаго опыта для того, чтобы свободно избравъ добро, какъ окончательный и незыблемый законъ своей жизни, участвовать своей безсмертной, въ огнѣ страданія созидавшейся индивидуальностью въ божественномъ творествѣ, сознательно содѣйствовать его гармоніи.

Будь у человѣка одна животная природа или одна божественная, не было бы ничего подобнаго тѣмъ страданьямъ, которыя возмущаютъ сознание Ивана Карамазова. Въ первомъ случаѣ человѣкъ двигался бы безошибочно животнымъ инстинктомъ, во второмъ—божественной волей, но у него не было бы свободы. Въ силу же того, что человѣкъ обладаетъ внутренней свободой, онъ вѣчно колеблется между своими противоположными полюсами и эти колебанія, эти тренія, эта снова и снова возобновляющаяся борьба дѣлаютъ его творцомъ своего собственнаго содержанія, даютъ ему возможность дорости до самосознающей индивидуальности, безсмертной и способной къ самостоятельному творчеству. Вотъ свѣтлая цѣль, къ которой ведутъ наши трудныя земныя переживанія и въ нихъ—все оправданіе страданія.

Вся попытка разбивающейся въ темнотѣ мысли Ивана Карамазова происходитъ отъ того, что всѣ эти „обиженные дѣтки“ и ихъ ненаказанные мучители воспринимаются его сознаниемъ безъ прошлаго и безъ будущаго, отъ того, что только обрывокъ человѣческой драмы проходитъ передъ ихъ глазами. Если бы онъ допустилъ на минуту, хотя бы какъ гипотезу, что у этого ребеночка съ его „неотмщенными слезками“ есть земное прошлое, въ которомъ онъ могъ быть повиненъ въ такихъ же мучительствахъ надъ беззащитными существами, и что переживаемыя имъ страданія въ *этой* его жизни есть неизбѣжное послѣдствіе имъ же нарушеннаго закона, правда котораго *должна* быть восстановлена; и что у того злого мучителя есть земное будущее, когда онъ на себѣ испытаетъ всю преступность обнаруженной имъ злой воли; если бы Иванъ Карамазовъ допустилъ эту возможность, передъ его

бессильно бунтующимъ сознаниемъ открылись бы совершенно новыя глубины и совершенно неожиданныя перспективы.

Не отмщеніе—въ темномъ земномъ смыслѣ разгнѣваннаго Бога—ожидаетъ мучителя, а нерушимый законъ справедливости, который поставленъ Богомъ, какъ необходимый результатъ въ великомъ океанѣ жизни, безъ чего вся она превратилась бы въ страшный хаосъ. Но въ приведенныхъ рѣчахъ вытравлена не только всякая вѣра въ высшій смыслъ жизни, но упразднена, и возможность какого-либо будущаго для человѣческой души. „Зачѣмъ мнѣ адъ для мучителя, что тутъ адъ можетъ поправить, когда *ты уже замученъ?*“ Даже смутная мечта о безсмертіи, о возможности свѣтлаго будущаго для замученнаго—исчезаетъ, и загнипнотизированное сознание не въ состояніи подняться надъ поразившимъ его эпизодомъ человѣческой жестокости. Прекрасно сознающій, что даже въ этой темной и мучительной жизни бывають мгновенія столь высокаго просвѣтленія, столь значительныхъ и огненныхъ переживаній, что за эти мгновенія „можно все отдать“, онъ здѣсь даже не допускаетъ ничего, могущаго возмѣстить физическій страхъ и физическую боль замученнаго тѣла. Не признавая никакого будущаго для души *навсегда замученнаго* ребенка, онъ не принимаетъ „возмездія въ безконечности, гдѣ нибудь и когда нибудь“, онъ требуетъ этого возмездія „*уже здѣсь на землю, и чтобы я его самъ увидѣлъ*“. И непремѣнно этими самыми глазами, которые, по его же признанію, совсѣмъ не помогаютъ понять смыслъ всего совершающагося. Весь трагизмъ европейскаго агностицизма, все его внутреннее безсиліе выразилось въ этихъ двухъ противорѣчащихъ одна другой фразахъ: „*хочу возмездія здѣсь на землю, и чтобы я его самъ видѣлъ*“ и рядомъ: „*я простить хочу, я обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше*“. Умный Иванъ Карамазовъ даже не замѣчаетъ, что, требуя зла за зло, страданія за страданіе, онъ тѣмъ самымъ дѣлаетъ уже навсегда невозможной свою мечту „простить, обнять и прекратить для всѣхъ и навсегда всякія страданія“. Сердцемъ онъ убѣжденъ, „что всѣ противорѣчія исчезнуть какъ жалкій миражъ... и въ міровомъ финалѣ, въ моментъ вѣчной гармоніи случится и явится нѣчто до того драгоцѣнное, что хватить на всѣ сердца, на утоленіе всѣхъ негодованій, на искупленіе всѣхъ злодѣйствъ, всей пролитой людьми крови, хватить чтобы не только было возможно простить, но и оправдать все, что случилось съ людьми“... А умомъ, этимъ „жалкимъ эвклидовымъ умомъ“ своимъ онъ ничего не видитъ кромѣ оторванныхъ отъ единства